

жеи стране друзи держать, а убог во своеи ненавидим ходить.²² Богат възглаголеть — вси молчат и вознесут слово его до облак, а убогии възглаголеть — вси нань кликнуть. Их же ризы светлы, тех речь честна».

В старших записях пословиц особое отношение к богатому выражено явно осудительно: «Богата, хоть дурака, всяк почитает»; «Богату, хотя глупу, всяк дает место» (Симони, стр. 81). Так и в записи Даля, аналогично изречению Сираха, звучит насмешка над оценкой речей богатого: «Коли богатый заговорит, так есть кому послушать»; «Богатый хоть врет, и то впрок идет»; «Тот и умен, кто богато наряжен» (стр. 81—83).

Народные пословицы, слагавшиеся в условиях классового общества, разнообразно представляют разницу в положении богатого и бедного и в отношении к ним. Противопоставление судьбы богатого и бедного в старших записях пословиц построено на иных образах: «Богат ищет места, а убог смотрит теста»; «Богат мыслит о злате, а убог о блате»; «Богат шол в пир, а убог брел в мир»; «Богатому пакость, а убогому радость» (Симони, стр. 80, 175). Иначе звучит такое противопоставление в записях Татищева: «Богатой сахар зоблет, и убогий не камень гложет» (стр. 47). В сборнике 1741 г. Богданова противопоставление ближе к книжному афоризму, подчеркивающему разницу в отношении к речам богатого и убогого: «Богатого слово — в евангелие кладут, а убогого — и в азбуку не годится» (стр. 66), и там же: «Богатый носит, что хочет, а убогий — что может».

В сборнике Даля содержится большое число проникнутых горькой иронией пословиц на эти темы, отражающих тяжелое положение неимущих: «Богатый ума купит, убогий и свой бы продал, да не берут», «Богатого ложка ковшом, убогого ложка веселком», «У кого колос, у того и голос», «На богатого ворота настезь, на убогого запор», «Богатый пузает, бедный тощает» (стр. 82); «Бедность плачет, богатство скачет», «За ватагу нищих одного богача не выменяешь» (стр. 83); «Убогий бога боится и богача боится, а богатый никого не боится (вар. до поры никого...» (стр. 84); «Богатому как хочется, а бедному — как можется», «Счастье бедному — алтын, богатому — миллион» (стр. 95); «Богатый и в будни пирует, бедный и в праздник горюет», «Богатый в пир, убогий в мир» (стр. 97); «Богатому жаль корабля, убогому — кошеля (вар. костыля)», «У богатого сто рублей лежит, а у бедного остальной бежит». «В драке богатый лицо бережет, а убогий — кафтан», «На убогом дерн одежду, у богатого рожу» (стр. 99); «Богатый ест, как захочется, убогий — как доведется» (стр. 103).

* * *

Значительный раздел афоризмов посвящен качествам «властелина» и «судьи», требованиям к ним и наблюдениям над нарушениями ими «правды».

К наделенным властью Изборник 1076 г. обращается с основным требованием: «Тьгда наречеться кьто убо истиньный властелин, егда сам собою обладает и нелепым похотьм не работаеть» (стр. 202). Пчела от имени Демокрита выдвигает то же требование: «Иже хощет над инем княжити, да учится первие сам собою владети» (стр. 103). Словами Соломона Пчела иначе учит искусству властвовать: «Владей, преже учивься

²² Ср. в записи Даля: «Богатого и в чуже знают, убогий и в своих невидим» (стр. 98).